

Н. В. Кондратенко

Вопросы, адресованные Богу, в русской и украинской поэзии

... Я — или Бог — или никто.
М. Ю. Лермонтов

Поэзия — особый тип мышления, она язык, не всем доступный, но всем понятный. Поэт наделен особым даром — говорить невысказываемое, понимать необъяснимое. В законах поэтического творчества есть что-то сакральное. Именно поэтому так часты в поэзии обращения и вопросы к Богу, гневные и примирительные, непосредственные и завуалированные, — обращения творцов к Творцу. Поэту необходим слушатель или читатель, иначе творчество не имеет смысла. Тогда и появляется высший наадресат, «абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» [1:305]. Конечно, апелляция к высшей силе мироздания изначально заложена в человеческой природе. Богу мы адресуем и неразрешимые вопросы. Поэтов такие вопросы тревожили на протяжении веков, волнуют и сейчас. Предметом нашего исследования стали вопросительные предложения в русской и украинской поэзии XX века, адресованные (в любой форме) «высшей инстанции ответного понимания» (М. М. Бахтин). «Познавать национальное ВСЁ народа через образ божества тем удобно, что в божестве в узел стянуты основные представления народа...» [2:184].

Вопросительные высказывания, адресованные Богу, могут носить эксплицитный и имплицитный характер: к вопросам первого типа относятся те, которые содержат лексикализованные обращения к высшей силе.

Боже мій, я ж Тебе кличу: Що ти робиш зі мною?
Що ж Ти мій голос, Боже, мені ж повертаєш луною? (Л. Костенко)

Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли?
Весна плыла высоко в синеве (А. Блок)

Лирический герой обращается с вопросом к Богу в отчаянной ситуации, хотя и понимает, что ответа не будет. Эти вопросы заведомо безответны. Тем не менее, даже функционируя в монологической речи, они рассчитаны на восприятие. Если адресат иной, то «высшая инстанция» является незримо присутствующим третьим собеседником (в качестве арбитра), в данном случае вопрос адресован непосредственно Богу, а объективным судьей выступает читатель, попытка человека вести разговор с божеством может быть оценена только другим человеком. При заведомой тщетности этой попытки лирический герой осознает, что имеет право спрашивать у Бога о тайнах бытия.

Дункан седых догадок — помощь!
О смута сонмищ в отпусках,
О, боже, боже, может вспомнишь
Почем нас людям отпускал? (Б. Пастернак)

Прямое обращение с вопросом к Богу может иметь двоякий характер: оно либо является элементом вопросно-ответного единства, либо функционирует как риторический вопрос. Т.е. доминирует то первичная, то вторичная функция — в зависимости от авторской цели.

— Христос, а ты доволен ли судьбою?
Христос: «Вполне. С гвоздями перебои» (А. Вознесенский)

В данном случае обращение к Богу с вопросом, несоответствующим ситуации, создает эффект стилистической сниженности и требует адекватного ответа. Противоречие между речевой ситуацией — апелляция к высшему началу — и темой этой апелляции переводит коммуникацию на бытовой уровень, этому также способствует контекст: ряд сходных вопросов, обращен-

ных к колхозникам, дояркам, профессорам и др. В таком тексте имеет место диалог с реальным собеседником, а не с наадресатом. Возникает иронический подтекст, возможный при несоответствии формы и содержания (в данном случае адресата и вопроса).

При моделировании текста как «ложного диалога» [10:26], при обширных монологах и ответах — репликах (а зачастую и отсутствии ответов) возможно обращение к Богу в бытовой ситуации с вопросом, выходящим за рамки бытовой коммуникации.

— На те ж воно, Господи, й літо,
Щоб плоди достигали. І що ж ти створів за світ?
Ще ж немає ні людства, ні преси, ні головліта,
а цензура вже є, і є заборонений плід! (Л. Костенко)

В украинской поэзии часты вопросы к Богу, содержащие в себе одновременно как запрос информации, так и понимание тщетности этого вопроса. И все же граница риторичности еще не достигнута, и остается надежда на возможность ответа. При этом не возникает иронического эффекта.

Скажи ж нам, Всемогутній, хто є Ти,
чи щепіт серця, чи важкі світи?
Пощо нас живів Ти в земну дорогу? (О. Тарнавський)

В этих вопросах автор пытается увидеть в высшей силе земную основу, человеческую ответную реакцию. В основном же вопросительные высказывания адресованы Богу как высшему духовному существу. При адресации высшему началу, даже при персонификации обращения, звучит сомнение либо во всемогуществе адресата, либо в его существовании.

Мать говорит Христу:
— Ты мой сын или мой
Бог? Ты прибит к кресту,
Как я пойду домой?

Как ступлю на порог,
не узнав, не решив:
ты мой сын или Бог?
То есть мертв или жив? (И. Бродский)

В данном случае наблюдаем соединение вопроса к Богу с вопросом о Боге, т.е. совмещение представлений об объекте-адресате и делиберативном объекте. Переход от прямой коммуникации к размышлению свидетельствует о нейтрализации оппозиции «прямой/непрямой вопрос».

Поэты не принимают готовых истин, они ищут. Наделив Абсолют реальной способностью к ответу, автор не только привнес бы фантастический элемент, но и уничтожил бы ценность данных вопросов. Поэт, нашедший истину, уже не поэт. Тем не менее, апелляция к Богу — это последний шаг, на который может отважиться человек. В такой критической ситуации лирический герой либо подсознательно верит в то, что будет услышан, либо идет на заведомо бессмысленный поступок. Это сохраняется и при состоявшемся диалоге:

Когда же слово Бога с высоты
Большой Медведицею заблестело,
С вопросом: «Кто же, вопрошатель, ты?»
Душа предстала предо мной и тело.
На них я взоры медленно вознес
И милостиво дерзостным ответил:
«Скажите мне, ужель разумен пес,
Который воеет, если месяц светел?
Ужели вам допрашивать меня,
Меня, кому единое мгновенье —
Весь срок от первого земного дня
До огненного светопредставленья?» (Н. Гумилев)

В тексте признается реальность собеседника, но отрицается божественное правосудие, риторические вопросы «Ужели..?» прогнозируют негативный ответ. Употребление вопроса во вторичной функции, со значением экспрессивного отрицания, актуализирует прагматическое значение коммуникативной ситуации, проявляющее «субъективные оценочно — эмоциональные отношения говорящих» [6:616] к предмету речи.

На переходной этапе, когда первичная функция полностью не утрачена, доминирует когнитивное значение, и Бог рассматривается как реальный собеседник. Преобладание прагматического значения позволяет обозначить позицию адресанта, но затрудняет (или исключает) выполнение коммуникативной роли адресата. В результате такой нивелировки ответной способности Бога — собеседника возникают вопросы второго типа, в центре семантики которых Абсолют как объект размышлений (в плане реальности его существования и готовности к коммуникации).

А бог? — по самый лоб закурен,
Не вступится. — Напрасно ждем.
Над койками больниц и тюрем
Он гвоздиками пригвожден (М. Цветаева)

Семантически перекликается со Стусом:

Бо де там син? Де Бог? Нема обох,
І смерть обсіла пустку, наче льох (В. Стус)

В вопросах, содержащих вербально выраженные обращения или упоминания о Боге, реализуются различные способы номинации наадресата.

Наиболее часто встречается имя Бог. «Бог. — По религиозным представлениям — создатель Вселенной, всего сущего, высший разум, управляющий миром» [8:656]. Это наиболее широкое значение, оно в различных контекстах может актуализироваться то как религиозная основа (реальность Бога), то как разумность миропорядка. Имея религиозные предпосылки, эта номинация не обозначает принадлежность к какой-либо религии, поэтому возможно употребление различных форм, в том числе и множественного числа.

Что, боги, — если бурое пятно
в окне символизирует вас, боги, —
стремились вы нам высказать в итоге? (И. Бродский)

А обращения-именования Господь, Христос, Иисус репрезентируют христианство и имеют библейскую природу.

Исус, Исус, ты слышишь?
Ты видишь? Я один.
Тебя зовет и кличет
Товарищ твой Мартин! (С. Есенин)

При местоименных обращениях в форме второго лица формально возможны два варианта: с прописной и строчной букв; но это внешнее отличие выявляет и семантическое различие. В Библии, и вообще в христианской религии, обязательно графическое представление именованного Бога только с прописной буквы, какими бы лексемами оно ни было представлено (включая Он, Его, Тот и др.), в поэзии наиболее последовательно соблюдается написание прописной буквы в именовании Бог, Господь и местоимении Ты только при подразумевании христианского Бога и достаточной религиозности автора.

Вдивляюся — і хочеться мені
Всміхнутись тепло і звернуть з дороги,
Бо чи ж не так в небесній глибині
Ми бачим хмари — і не бачим Бога? (Л. Полтава)

В христианской традиции имеется и обращение к Богу с помощью субстантиватов Всемогущий, Всемогутній, Всевышний и т.п., актуализирующих характерологическую семантику. В вопросах о Боге, но не адресованных наадресату, возможно и именование в форме третьего лица.

В ничем — ничто. Из ничего вдруг что-то.
И это — Бог!
В самосоздании не дал он отчета, —
Кому б он мог?

(И. Северянин)

Все указанные способы номинации в равной мере свойственны русской и украинской лирике, т.к. имеют в своей основе религию. Употребление же прописной или строчной букв иллюстрирует индивидуальное мировидение поэта (а, может быть, также издательскую практику, отражающую в разные периоды господствующую идеологию).

Вопросительные высказывания о Боге и обращенные к Богу органичны для поэзии в принципе. При этом вторые имеют вербальное выражение адресата в тексте, имеющего различные способы номинации, а первые могут быть адресованы любому субъекту или не иметь адресата — в этом случае они предполагают возможность нададресата как пассивного реципиента [3:129].

Значимость Бога в человеческом мировоззрении нашла отражение и в поэзии. Поэтическое миропонимание вмещает в себя философское («совокупность знаний о мире» [4:21]) и интуитивное постижение действительности [7:30], что находит выражение в когнитивном значении вопросительных высказываний. Кроме того, природой поэтического творчества обусловлен творческий, креативный [9:3] аспект, репрезентирующий эстетический взгляд на мир. При большом сходстве апелляций к Богу в украинской и русской лирике русские поэты более часто используют риторические вопросы — единицы с доминирующей прагматической семантикой. А в украинской поэзии часты такие вопросительные высказывания, в которых гносеологическая функция не утрачивается полностью и на первом плане остается когнитивное значение.

Детерминация Абсолюта в вопросах отражает особенность ее в поэтических картинах мира русской и украинской лирики. Т.о., при большом сходстве и незначительных различиях обращений к Богу в вопросительных высказываниях выявляются специфические черты, обнаруживаемые как на формальном, так и на семантическом уровнях.

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
2. Гачев Г. Национальные образы мира. — М., 1988.
3. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. — М., 1986.
4. Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. — М., 1990.
5. Лермонтов М. Ю. Избранные произведения. — М., 1984.
6. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. — М., 1997.
7. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. — М., 1988.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. — М., 1991. — Т. 1.
9. Тувицька Г. П. Поетична семантика в процесі породження сприйняття: Автореф. дис. ... канд філол. наук. — К., 1996.
10. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Избранные работы: Язык и его функционирование. — М., 1986.